

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

ДЕСАНТНИКИ

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Артем Драбкин

Десантники

«Яуза»

2020

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Драбкин А. В.

Десантники / А. В. Драбкин — «Яуза», 2020 — (Война. Я помню. Проект Артема Драбкина)

ISBN 978-5-00155-108-9

История российских воздушно-десантных войск началась задолго до 50-х годов, когда они получили почетное прозвище «войска дяди Васи». Советские десантники проводили успешные операции в тылу врага еще во время Финской войны. Контрнаступление под Москвой, Вяземская воздушно-десантная операция, форсирование Днепра – на фронтах Великой Отечественной войны десант часто был впереди остальных. Об опасных заданиях за линией фронта, о разведывательно-диверсионных операциях из которых возвращались не многие, десантники рассказывают на страницах очередной книги исторического проекта Артема Драбкина – «Я помню» (www.iremember.ru).

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00155-108-9

© Драбкин А. В., 2020
© Яуза, 2020

Содержание

Лихтерман Матвей Цодикович	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Артем Драбкин

Десантники

© Драбкин А.В., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Лихтерман Матвей Цодикович

Родился я в ноябре 1921 года в поселке Шумячи Смоленской области. Детство мое прошло в городе Рославль там же, на Смоленщине. Закончив десять классов, работал на заводе. Летом 1940 года прошел отборочную комиссию в военкомате и был направлен в составе группы из одиннадцати человек на поступление в Ленинградское авиационно-техническое училище, дислоцированное в Сестрорецке. Приезжаем, помню, в ЛАТУ, а у нас даже не принимают документы. Конкурс на каждое место огромный, приехало поступать больше четырех тысяч человек со всей страны. Тогда все мечтали служить в авиации. Нам говорят: «Хотите – поезжайте в Иркутск, там такое же училище, и экзамены – через две недели. Может, в Иркутске ваши документы примут». Негласный «вождь» нашей группы, мой двоюродный брат Миша Добкин, сказал: «В Сибирь мы всегда успеем». Когда поехали домой, Мишка все сокрушался о том, что не успели посмотреть Ленинград. Ничего, через год Мишка попал под Ленинград в бригаду морской пехоты. После войны я спросил его: «Ну, успел Ленинград поглядеть?» Ответ: «Целых четыре раза, и все – из окна госпиталя...» Четыре раза Мишку ранило на войне.

Вернулся я на завод, а уже в марте 1941 года меня призвали на действительную службу в РККА. Почти всех рославльских призывников отправили служить в Литву, а я очутился в части, расположенной в Средней Азии, в восьми километрах от Самарканда. Это был Краснознаменный кавалерийский полк, преобразованный в мотострелковую дивизию. Тогда всех лошадей отправили в кавкорпуса на Украину. Я еще застал старослужащих кадровиков из бывших кавалеристов. Определили меня в артполк, на должность наводчика сорокапятимиллиметрового орудия.

Насколько кадровая служба была тяжелой? Вообще, как относились в вашей части к новобранцам?

Нормальной была служба. Встретили новобранцев очень хорошо. На батарее служило двое «стариков» из могилевских евреев, был помкомвзвода – белорус Якименко.

А смоленские и белорусские всегда считались почти земляками. Вообще, всех новичков у нас принимали с доброй душой. Я сразу подружился с грузином Думбадзе. Он меня учил петь песни на грузинском языке. Все новобранцы были сыты, обуты, одеты. Что нам было еще тогда надо? Сама служба была нелегкой. Жара, Азия, пока привыкнешь... Помню, как каждое утро нас приводили к речке Даргом, стекавшей с гор. Через реку были натянуты тросы. Так мы были обязаны, держась за эти тросы, находиться в ледяной воде пятнадцать минут. Закаляли нас, одним словом. Пить нам давали мало: флягу – на день. Зато все время кормили соленой рыбой. Пилоток не было, ходили в панамах защитного цвета. Пить воду из арыков нам запрещалось, говорили: мол, сразу и холеру, и дизентерию подхватите. Первые два месяца службы мы учили матчасть пушки и проходили учебный полевой курс новобранца. Стрельбу боевыми снарядами мы проходили только один раз, уже в начале июня.

Вы ощущали приближение войны?

Нам, служившим в Азии, все время говорили, что будет война с Турцией. А друзья мои, служившие в Литве, еще в мае сорок первого присылали письма из Литвы, и все, как один, писали: «Матвей! Скоро – война с немцами! Не поминай лихом, прощай, если что...» Все они погибли в Прибалтике в сорок первом году.

День начала войны помните?

На 22 июня 1941 года была назначена наша присяга. Мы ждали шефов. Вдруг поступает приказ: «Все – на плац, на митинг!» Вышел командир нашей части, немец, полковник Гейцах, отмеченный двумя орденами Красного Знамени за борьбу с басмачеством. Помню его слова: «Красноармейцы, сыны мои! Мы – краснознаменная часть, и я буду требовать от командования округом немедленной нашей отправки на фронт! Разобьем фашистскую гадину! Ура!!!!» Недельку мы получали автотехнику, машины ГАЗ, мобилизованные с гражданских предприятий. Орудия наши были на автомобильной тяге.

29 июня нас погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Выдали нам НЗ на три дня: вобла, по четыре сухаря, банка говядины на троих и пачка чая. На станциях вдоль железнодорожного полотна стояли старушки и плакали, голосили нам вслед: «Дети, куда вы едете?! Вы же такие молоденькие? Вас же всех поубивают!»... 10 июля 1941 года разгрузились в Брянске и сразу – в бой под Ельню.

Про летние бои сорок первого года расскажете? Многие ветераны не хотят о них вспоминать.

Все, что творилось под Ельней в июле 1941 года, можно охарактеризовать одним коротким словом – мясорубка... Перед первым боем нам объявили: «Немцы высадили парашютный десант, их мало, покажем немцам «кузькину мать»! А на нас пошли танки!... Все время нас гоняли по лесам взад-вперед. Тянем орудия на лямках, занимаем позиции. Немцев не видим, куда-то стреляем, а через час получаем новый, еще более бестолковый приказ. Бой кончается, кто живой – того сразу перебрасывают на новое место. В конце июля мы уже стреляли только с открытых позиций. В июле у нас была страшная жара, пить хотелось смертельно, а рядом с нами не оказалось ни ручейка, ни реки. За три недели боев мы ни разу не видели полевой кухни. Что сам найдешь, тем и питаешься. Потери наши были просто невыносимыми. Трупы никто не хоронил. Тела убитых складывали в «стоги», клали по пять – семь тел, одно на другое. «Стоги» шли рядами, через каждые двадцать – тридцать метров, и мы даже не пытались считать эти «горы» – так их было много, чуть ли не до края горизонта... Поскольку трупы разлагались, вонь стояла дикая. И каждый день немцы нас все бомбят и бомбят! Буквально не было спасения от немецких самолетов. Мы рыли «ровики», щели, а толк от них все равно был небольшой. Зенитчиков своих мы проклинали. Мазила! Хоть бы одного немца-бомбера

завалили. Так нет! Наши ТБ-3, идущие на бомбежку, немецкие зенитчики сбивали с третьего снаряда. Это я лично видел несколько раз.

Политрук батареи придет ночью и говорит: «Приказ генерала Жукова! Ни шагу назад!» А мы даже не знаем, где вообще находимся, что происходит слева и справа. Ведь телефонная связь была перебита. Какая тут к черту корректировка огня?!

Через три недели от двух батарей осталось одно орудие и девять человек, из нашего взвода – только Якименко и я. Представляете, какие мы несли потери в стрелковых ротах, если из артиллеристов в строю оставалось девять из семидесяти человек... Занимаем огневую позицию. Разрывные пули только по щитку орудия шелкают... Снарядов у нас было всего четыре ящика. Слышу крик: «Танки!» Стрельба из «сорокопятаки» ведется с колен. Я приподнялся взглянуть на поле боя. Вдруг я чувствую удар в грудь с правой стороны. На меня летят осколки от танкового снаряда. А я, оказывается, даже разрыва не услышал... Ребята перевязали. До санбата я умудрился дойти сам. Меня прооперировали и отправили в госпиталь в Тульскую область, на станцию Черепец. Госпиталь разместили в бывшем санатории.

Там же произошел один случай, который я не могу забыть до сих пор. Палаты были большие и рассчитывались на сорок раненых. На стене висела «тарелка» репродуктора. По этому радио я услышал рассказ Левитана о немецких зверствах на оккупированной территории. Речь шла о том, что немцы привязывают евреев к танкам, потом те разъезжаются в разные стороны и тела несчастных разрываются на куски. Вдруг в палате раздается смех многих людей и возгласы с разных сторон: «Молодцы немцы, как жидов кончают!» У меня от этого внутри все окаменело. До той минуты я был пламенным патриотом, фанатиком, а тут... Лежал и думал, как я буду воевать рядом с такими людьми!?! Да люди ли они?..

Через две недели меня погрузили в санитарный поезд и привезли в госпиталь в Аткарск. Лежал я там еще два месяца. Выписав из госпиталя, мне дали отпуск на полтора месяца на долечивание и «литерные» документы на проезд по железной дороге в любое направление. А куда было ехать? Я понятия не имел о том, где находится моя семья. Пришел на станцию... И Бог помог мне. Окликает меня какой-то железнодорожник: «Солдат, ты случайно в Рославле на заводе не работал?» Оказался мой земляк, эвакуированный с вагоно-ремонтным заводом в Аткарск. Тогда он мне и говорит: «Многие рославльские в Тамбов эвакуировались. Поезжай туда, поищи своих». До Тамбова я добирался долго и мучительно. Пришел в Тамбове в эвакупункт, посмотрел книги записи эвакуированных, но не встретил ни одной знакомой фамилии. Мне дают совет: поезжай в Кирсанов, там вроде какая-то артель из Рославля находится.

И точно, в Кирсанове я нашел артель «Борьба». У них находилось письмо от моего младшего брата, который разыскивал нашего дядю. В нем же указывался обратный адрес – село Верхотуры, Воскресенский район, Башкирия. Однако добирался я до своих несколько долгих месяцев. Зима, на улице стоят лютые морозы, а я еду на «товарняках» да угольных платформах в одной «шинельке»... Как я не замерз насмерть в эти дни, до сих пор удивляюсь!

Когда я доехал до Челябинска, мне вдруг стало плохо: ходить не могу, ноги опухли, дышать трудно, в груди – боль, как будто раскаленное железо внутри. Меня снова привезли в госпиталь. И оказалось, что у меня открылась рана. Мне откачали гной и воду из легкого. Затем отпустили из госпиталя. Так я доехал до Орска. Но там – та же история. Снова врачи кромсают мне раненое легкое, опять – гной, дренаж. Температура «зашкаливает» за сорок. Врачи уже ждали, когда я помру. В то время антибиотиков еще не было. Но я выкарабкался... Медицинская комиссия признала меня негодным к воинской службе сроком на один год с обязательным переосвидетельствованием раз в три месяца. Я доехал до Ишимбаева. До села в котором жили родители, оставалось сорок километров, и опять – та же история. Вышел я из больницы 8 марта. Приехал в Верхотуры. Спрашиваю у местных: «Где тут Лихтерманы живут?» А мне в ответ рассказывают о том, что моя семья жутко голодает. Придя домой, начал я слесарить, чтобы семью прокормить.

Затем моего младшего брата Иосифа призвали в армию и направили в Стерлитамакское пехотное военное училище. Вскоре училище отправили на фронт в полном составе под Сталинград. Там брата тяжело ранило, и он вернулся домой только в 1943 году с ампутированными ступнями ног... В июле сорок второго года меня вызвали в Уфу на гарнизонную медкомиссию. Никто из врачей меня даже не осматривал. Посмотрели госпитальные справки и сказали: «Сожалеем, но мы отменяем прежнее решение о вашей «комиссовке». Вы признаетесь годным к службе без ограничений». И несут какую-то чушь о том, что, мол, понимаешь, армия нуждается в солдатах, что на фронте тяжелое положение... Будто я сам этого не знаю! И сразу дают в руки направление в военкомат. Спорить я с ними не стал, только заметил вслух: «Я думал, меня на врачебную комиссию позвали, а, как выясняется, тут политруки сидят, а не доктора». Они в ответ только молчат... Прихожу на комиссию в военкомат. Там меня спрашивают: «Кем хочешь воевать? Ты – раненый фронтовик, кадровый солдат, с образованием, даем тебе право выбрать...» Отвечаю: «Я – наводчик сорокапятимиллиметрового орудия. А вообще, мне – все равно, куда пошлете». Мне действительно было все равно. После Ельни я стал фаталистом, знал, что никто не уйдет от своей судьбы. Тогда они у меня интересуются: «В пулеметно-стрелковое училище пойдешь? Мы тут команды формируем в Тюмень и в Арзамас. На артучилище нет разнарядки». «Давай в пулеметное», – говорю им... Тогда они дают мне повестку с таким содержанием: прибыть с вещами через две недели... После этого я простился с родителями. Я был уверен, что живым домой не вернусь.

Через две недели я приехал в Уфу. Из сотни ожидавших отправки будущих курсантов отобрали человек тридцать. Нас посадили на пароход. Проплыли мы девяносто километров по реке Белой и оказались в Бирске, старинном купеческом городе. Там располагалось ЛУВНОС – Ленинградское училище воздушного наблюдения, оповещения и связи...

Первый раз слышу о подобном училище. Расскажите о нем подробнее.

Я тоже не имел ни малейшего представления о подобном училище, хоть оно и не считалось засекреченным, как, например, училище разведки в Ленинграде до войны. Училище готовило командиров ВНОС для войск ПВО страны. Оно предназначалось не для зенитчиков, стоящих рядом с передовой, а для частей, прикрывающих воздушное пространство над крупными промышленными объектами и городами в армиях ПВО. Шанс попасть из этого училища на передовую был весьма невысок. И атмосфера там была соответствующей... Учился немало генеральских «деток», которых папы сунули в это училище для того, чтобы переждать военное лихолетье. Особняком держалась большая группа бывших студентов Московского нефтяного института имени Губкина... Особой дружбы между курсантами не было. Училище было небольшим – в нем училось всего около тысячи курсантов. Но официально мы были поделены на четыре батальона. Большая часть преподавателей состояла из бывших инженеров Ленинградского электролампового завода. Они постоянно подчеркивали исключительность нашей будущей специальности. И когда уже все военные училища из Поволжья были брошены в пехоту под Сталинград, мы продолжали учиться. Нас поберегли. Подготовили нас в профессиональном плане великолепно. Я научился работать на всех видах радиостанций, но, что самое необычное, – нас обучали работать на первых отечественных радарх РУС-2- «радиоуправляемый самолет» (слово радар тогда еще не употребляли) и на канадских ленд-лизских радарх CON-2.

За несколько недель до выпуска из училища, нас семнадцать человек, вызвали по списку в штаб. Там нам сообщили, что мы выпускаемся из училища в звании сержантов и наша группа отправляется в распоряжение ГУС КА – Главного управления связи Красной армии. Так что в офицерских погонах тогда походить мне не пришлось. Однако я по этому поводу не переживал. Кто попал в эту команду, спрашиваете? Тех, у кого фамилия на «ман» заканчивалась, оказалось три человека, остальные, как я понял, были ребята с «подмоченными» анкетами.

Возможно, что я ошибаюсь по этому поводу... Прибыли мы в Москву, в ГУС. Нас выстроили в одну шеренгу. Вышел к нам какой-то полковник. Ему докладывает адъютант: «Радисты для десанта прибыли!» Так, мы впервые узнали, что наша воинская дорога ведет нас в десантные войска. Впрочем, с этих слов мы сразу не поняли, о каком десанте речь – о воздушно-десантной бригаде или о диверсантах... Полковник рявкнул что-то бодрое. Вроде это были какие-то дежурные слова: Родина, доверие, партия, не посрадим, не пощадим, «бу-бу-бу» и т. д. и т. п. После этого он нам объявляет: «Вы направляетесь на формирование 3-й воздушно-десантной бригады в город Фрязино». Выходим мы из здания и все сразу на небо смотрим: наше будущее «поле боя», как мы оттуда падать будем?

Как в вашей группе отреагировали на распределение в ВДВ?

По-разному. Кто-то обрадовался, кто-то заматерился: мол, не хочу идти в парашютисты-диверсанты. Но никаких истерик по этому поводу ни у кого не было. Надо – так надо.

Ваша 3-я ВДБр вместе с частью 5-й ВДБр приняла участие в знаменитом и трагическом Днепровском воздушном десанте. Я попрошу Вас максимально подробно рассказать о подготовке десантников бригады и о самом десанте. Ведь фактически нет информации непосредственно от участников десанта. Небольшие заметки десантников Неживенко, Жукова, Муктаева, Улько, Мигдалевича, очерки о Героях Советского Союза, комбатах: майоре Блувштейне, капитане Петросяне, капитане Воронине, статья о комбриге 5-й ВДБр Сидорчуке, и одна страница в книге воспоминаний недавно ушедшего из жизни участника десанта всемирно знаменитого кинорежиссера Григория Наумовича Чухрая. Даже в фундаментальном труде «ВДВ в годы ВМВ» все острые углы, связанные с судьбой десанта изящно сглажены.

Я взял воспоминания летчика из полка, проводившего высадку десанта, но там один лейтмотив – «мы не виноваты»... Воздушных десантов в годы ВМВ было высажено нашими войсками не так уж и много, но даже неудача Вяземского десанта меркнет на фоне трагедии днепровских десантников.

Сразу хочу заметить по поводу подготовки десантников. Я попал служить начальником радиостанции в отдельный противотанковый дивизион бригады и наша подготовка отличалась от подготовки в простых десантных батальонах. Поэтому я не могу сказать, что информация которой я обладаю в этом вопросе, является полной. В отдельном артдивизионе служило сто восемьдесят человек, на вооружении были пушки 45-мм «Прощай Родина». По сути дела, мы являлись «независимым государством».

Ладно, давайте начнем.

Мы прибыли на формирование в феврале 1943 года. Мне трудно сказать, проводился ли какой-то особый отбор в бригаду. К нам прибыли сотни курсантов из Томского пехотного училища и Ишимского пулеметного училища. Рота ПТР, например, в большинстве своем состояла из кадровых дальневосточников. Все ребята в ней были богатыри, под два метра ростом. Они таскали тяжеленное ружье ПТР как пушинку. Прибыли к нам и направленные сразу из военкоматов комсомольцы-добровольцы, еще не принимавшие присяги. Почти все десантники находились в возрасте восемнадцати – двадцати двух лет. У нас было всего несколько тридцатилетних солдат.

Самое странное, что среди нас встречалось очень мало людей с фронтовым опытом или тех, кто был направлен в десант после лечения в госпиталях. Инструктора ПДС – не в счет. Не было среди нас и участников Вяземского десанта. Оказались считанные единицы людей, воевавших в пехоте в дивизиях ВДВ на Дону и в бригадах под Киевом. Так что передать нам опыт прошлых десантов с предельной честностью, по сути дела, оказалось некому.

Национальный состав бригады представлял в широком диапазоне весь Советский Союз: русские, украинцы, казахи, армяне, татары, грузины и так далее. У нас даже имелся свой грузинский самодеятельный хор. Было непропорционально много евреев. Попали к нам и ребята, призванные из Средней Азии, которые хорошо владели русским языком.

Уже через две недели после прибытия в бригаду начались прыжки с парашютной вышки в Мытищах. Параллельно мы изучали подвесную систему парашюта. Прошло еще две недели, и уже в районе Медвежьих Озер начались прыжки с аэростата. В корзину аэростата сажали инструктора, и трех десантников тросами поднимали на высоту 1200 метров... и, как говорят, – «пошел!». Так прошел еще один месяц, и у нас начались прыжки с ТБ-3 с разных высот.

Народу много разбилось на учениях?

Кладбище мы за собой оставили большое. Было три крупных трагедии во время подготовки десанта. В ТБ-3 «набивали» для прыжков до 50 человек. Когда первый раз отрабатывали ночное десантирование на лес. Многие угробились и многие покалечились. Один раз, кажется, в 3-м батальоне, по ошибке сбросили часть ребят в воду широкого озера. Все они потонули.

Еще у нас случилась неудачная выброска при шквальном ветре в соседней бригаде. Об этой неудаче я не могу рассказывать, так как не помню точных деталей этого происшествия, и зря не хочу что-то сообщать. Как потом шептались – летчиков за этот сброс просто расстреляли по приговору трибунала. Но так ли это было на самом деле и что там конкретно произошло, я не вспомню уже сейчас...

Да и на простых тренировочных прыжках часто бились. Стропы у ребят путались... Все тренировочные прыжки совершались с основным и запасным парашютом. Но хочу заметить, что парашютно-десантная подготовка в бригаде была поставлена хорошо и грамотно. Инструктора во главе с Белоцерковским оказались суперпрофессионалами. Чтобы избавить нас от страха прыжка, они постоянно демонстрировали нам какие-то сложные, чуть ли не акробатические прыжки. Парашюты-то ведь у нас были не только с принудительным раскрытием. Дошло до того, что в самолет рядом с будущими десанниками садились врачи с бригадного санбата и прыгали вниз, держа в руках букетик цветов и тем самым показывая нам пример. Вы же знаете мужскую психологию: «как это баба прыгнула, а я не смогу?!»

Как поступали с «отказчиками»? Какая прыжковая «норма» существовала?

Всех «отказчиков» на формировке без долгих разбирательств отправляли в штрафные роты.

Понимаете, не все бойцы хотели быть десанниками. Находились и такие, некоторые предпочитали скорее смерть на земле в пехотном бою, чем красоваться мертвым со значком парашютиста на гимнастерке.

Я помню первый прыжок с аэростата. Лебедки подняли «корзину». Первым должен был прыгать здоровенный мужик, лет тридцати пяти. Инструктор дает команду: «Пошел!». Мужик оцепенел от страха, руками за край «корзины» вцепился, лицо – белое как стена. Инструктор орет: «Не прыгнешь, в штрафную пойдешь!» Солдат окаменел. И вдруг щупленький инструктор каким-то резким движением выкидывает солдата через дверцу «корзины».

Мы сразу поняли, что с нами шутить не будут.

Прыгнули, приземлились. Смотрим: идет этот мужик, целый и счастливый, и заявляет: «Здорово получилось!» В моем подразделении служило несколько ребят, которые попали к нам после фронта. Один из них оказался даже орденоносец. Они так и не смогли преодолеть страх прыжка. Десант – он не для всех.

Кто служил в батальонах, сделали по пятнадцать – двадцать прыжков, мы же, истребители танков – по десять прыжков.

Но встречались и такие, которые сделали всего по одному или два прыжка... Были такие...

Скажу одно: перед прыжком в тыл врага «отказчиков» в бригаде не было. Все пошли на смерть.

Какая была стрелковая подготовка десантников?

Стрелковая подготовка была на уровне. Противотанковый дивизион имел на вооружении карабины, в батальонах было автоматическое оружие. Стреляли мы много, патронов не жалели. Причем стрелять на научили метко. Но я не помню такого, чтобы кто-то из нас ходил со снайперской винтовкой.

Ориентирование в ночном лесу проходили?

Было и такое. Нам объяснили, как читать карту. Например, нас, радистов, развозили по парам по лесам. Мы должны были выйти на связь друг с другом, а потом достичь заранее определенной точки встречи. Подобные учения были как ночные, так и дневные. Мы их всегда ждали. Особого контроля за временем выполнения этого учебного задания не проводилось. Так мы, помню, повадились ходить в деревушки для того, чтобы у крестьян самогоночки попить и так далее.

Насколько сильной была дисциплина в Вашем дивизионе? Как солдаты относились к командному составу?

Сказать, что дисциплина была «драконовской», я не могу, но и вольницы особой не наблюдалось. Командир нашего дивизиона оказался сущим зверем. Подходит кто-нибудь к нему с докладом и уже заранее знает, что сейчас командир наорет на него, обматерит его до пятого колена, пообещает расстрелять и т. д. И не важно, с чем к нему солдат обратился. Он на нас орал просто «на автомате». Его ненавидели.

Под стать ему был еще один мизантроп – старшина дивизиона. Этот успел разок побывать в тылу врага. Он производил впечатление психически больного человека. Носил на ремне финку с красивой наборной ручкой. Как напьется, так начинает «выступать»: «Я немцев голыми руками душил!» Те из нас, кто уже был на передовой, ему не верили, насмотрелись уже на подобные типажи. Как-то это старшина перепил лишнего и «по пьяному делу» ударил одного из комбатов. После этого поехал старшина в штрафную роту – «немцев голыми руками душить». Вообще, у нас была одна мера наказания – «в штрафную», с нами не церемонились и не цацкались. Как-то двое наших десантников «увели» на станции Щелково мешок муки из вагона и завалились отмечать удачу к знакомым женщинам. Их быстро вычислили и присудили им три месяца в штрафной.

Из командного состава дивизиона своей человечностью и порядочностью выделялся начальник штаба капитан Маркин. Ему очень повезло или очень не повезло перед самой выброской в тыл... Сейчас объясню, о чем идет речь. Его ординарец Леша Анкундинов чистил маркинский пистолет, сидя за столом. Раздался случайный выстрел, и пуля попала сидевшему напротив Маркину в ногу. После этого начштаба отправили в госпиталь, в Днепровский десант он уже не попал.

Отношения между простыми десанниками были братскими. Но один такой «товарищ» потом меня в плену немцам выдал на погибель.

Проходили ли десантники специальную или диверсионную подготовку? Были ли занятия по рукопашному бою?

Вы, наверное, по молодости фильм «В зоне особого внимания» любили смотреть? Из нас не готовили Рембо. Мы были обычной пехотой, «пушечным мясом». Просто это «мясо» умело

прыгать с парашютом и обучалось ведению боя в условиях окружения. О каких инструкторах по рукопашному бою вы спрашиваете?

Имели ли Вы представление, что Вас ждет в тылу врага?

Весьма смутное. Показывали учебные фильмы, снятые в «пасторально-лубочном» стиле. Взвод десантников спускается в тылу врага на парашютах, из леса выходят партизаны, радостная встреча, после – готовят посадочную полосу, на которой приземляются «дугласы» с десантом. Писатель Шпанов, наверное, от зависти к сценаристу удавился бы... Кинооператора бы этого – к нам бы в сентябрьский десант. Мне трудно сказать, сознательно или нет, но никто – я подчеркиваю, – никто нам не говорил о том, что творилось в десантах сорок второго года на самом деле.

Как высаживался противотанковый дивизион на общебригадных учениях в августе 1943 года?

А кто вам сказал, что были общебригадные учения?

В генеральских мемуарах вычитал.

Ох уж эти генеральские мемуары! Все, кто их писал, – «ангелы», и все поголовно – «герои» войны. И кровь на их руках – только вражеская...

Про наш десант написано у одного генерала, что изначально было решено выбросить десант на участке в сто километров длиной. А как иначе «летунов» оправдать и обелить? Только кто из наших выживших штабных помнил другую цифру? Зона выброски – пять километров на бригаду.

Озадачили вы меня. Не помню я подобных учений. Если бы такие были, я бы эти учения помнил. Связь с бригадой держать – это моя обязанность. Не было массовых учений... Отдельные высадки батальонов отрабатывались, но не более.

По поводу артдивизиона. Сейчас пытаюсь вспомнить, как выглядели парашютные контейнеры для сброса пушек и снарядов, и – не могу. Дверь в фюзеляже ЛИ-2 шириной в семьдесят сантиметров, орудие в самолет не затащишь. Дивизион наш вроде должен был получить орудия в тылу врага из самолетов, приземляющихся уже на посадочную полосу на захваченной территории. Не могу точно вспомнить... Боевая подготовка дивизиона оказалась средней. Было только несколько боевых стрельб. Если боеприпасы для стрелкового вооружения для нас не экономили, то по поводу снарядов сразу шла в ход довоенная еще пословица: «Берегите снаряды! Цена каждого выстрела из орудия – это пара хромовых сапог!»

Когда вы узнали, что бригада направляется на фронт?

В начале сентября по бригаде поползли слухи, что мы скоро пойдем в бой. Да и так все чувствовали, что бригада готова и не будут нас в тылу «мариновать», когда на всех фронтах наступают.

Потом поступил приказ на погрузку в эшелоны, и мы поехали непосредственно на фронт. На каждой большой станции нас собирали на митинг. Выносили на середину знамя бригады, выходили замполиты и говорили: «Солдаты! Родина на вас надеется, что вы выполните поставленные задачи!» Вы же сами, наверное, знаете наш девиз: «Никто, кроме нас!» Когда мы подъехали к Украине, всем нам зачитали приказ: «Категорически запрещено общение с местным украинским населением». Но гвардейские значки и знаки парашютистов были у всех на гимнастерках, так что все кому надо, видели: к фронту едут десантники. Помню, когда ехали, по репродуктору передавали сообщение о боях за Ярцево и на подступах к Смоленску.

Перед выездом из Подмосковья мы сходили на могилы товарищей, погибших при подготовке бригады. Кто-то из наших произнес вслух: «Мы еще им позавидуем...»

Что было дальше?

Приехали на аэродром в районе Лебедина. Стояли уцелевшие, еще довоенные огромные ангары, крытые каким-то специальным стеклом. Шел сильный дождь. Так мы первым делом заносили парашюты в ангары, чтобы они не намокли. Сами разместились там же.

Через два дня, утром, нас разбили на расчеты. Нам стало предельно ясно: «Выброс десанта – сегодня!»

Григорий Чухрай вспоминал, что утром над аэродромом, где десантники готовились к выброске, появился немецкий самолет и сбросил листовки со следующим текстом: «К встрече десанта готовы! Прилетайте поскорее!»

Было такое. Нам сказали так: не поддаваться на провокации. Поймите, мы даже этим листовкам особого значения не придавали. Мы и так знали, что из этого десанта никто живым не вернется... Знали...

И были готовы умереть, как один, но выполнить свой воинский долг... Мы десантники, и этим сказано многое.

Мы не чувствовали гнетущего ощущения приближения смерти. Просто пришло наше время идти в бой... Незадолго до отправки мы выпросили у инструктора летную фуражку и пошли фотографироваться. Я послал фотографию брату, написав на обороте карточки: «Не забывай! На вечную память!» Я знал, что эта фотокарточка – моя последняя. Сейчас она у вас в руках. Оказалась, что не последняя. Бывает... Повезло...

Не забывайте еще один момент: наш десант был личной операцией Жукова, а этот человек не умел останавливаться, пока кто-то из личного состава подчиненных ему частей еще оставался целым. Откуда я знаю, что это личная операция маршала по расширению Букринского плацдарма? Из упомянутых вами всяких там «генеральских» мемуаров. Летчик АДД Скрипко об этом прямо написал.

Какова была экипировка десантников перед вылетом? Как происходило распределение по самолетам? Какую информацию Вы имели о месте выброски? Были ли сообщены простым десантникам опознавательные сигналы?

Я должен был лететь в первой группе высадки с управлением бригады. Нас отобрали девять человек из дивизиона в первую волну десанта. Мое вооружение оказалось следующим: карабин, двести патронов (разрешали брать боеприпасы по максимуму), шесть гранат, финский нож. Никаких зажигательных гранат, стропорезов, саперных лопаток на нас не выделялось. Выдали коробку, вернее сказать – пакет, с американским сухим пайком. Не было у нас, простых десантников, пистолетов или толовых шашек, сигнальных фонариков и ракетниц. Может быть, у второй волны десанта и были фонарики, но у нас – точно нет. У каждого имелся вещмешок или плащ-палатка, в которую заворачивали одежду и прочее. Вот все, что я запомнил из снаряжения. Вес нашего «добра» составлял примерно сорок килограмм. Боевой прыжок производили с парашютом ПД-42. Запасной парашют не брали. Прыгали с документами и орденами. Никто не снимал с себя гвардейских значков. Радиорасчет в десанте – это два человека. Мой напарник с рацией РБМ попал в один самолет, а я, с батареями к рации, аккумулятором и шифроблокнотом, в другой. Это была, конечно, ужасная глупость – разделить радиорасчет... Нам сообщили, что бригада будет высажена в районе Пекари-Грушева, в десяти километрах за Днепром, и после этого на земле нам поставят основную боевую задачу. Никаких страховочных вариантов, вроде место сбора в Каневском лесу, мы не получали. При приземлении мы были должны закопать парашюты и идти на место сбора, согласно обусловленным сигналам из ракетниц. Я еще подумал тогда: как же мы без саперных лопаток парашюты

закапывать будем? О возможной скорой смерти не думалось. Просто я знал, что она уже близко и ждет меня.

Условный сигнал для сбора во вражеском тылу – серия ракет определенного цвета. Но что с этим получилось, я расскажу позже. У нас не было голосового пароля или специальных опознавательных нашивок на форме. Мне, как радисту, только объяснили, что в случае угрозы пленения я обязан уничтожить шифроблокнот, а потом – себя. Мы, радисты, выучили наизусть все частоты и позывные в бригаде. Все командиры были уверены в успехе десанта! Может быть, поэтому они и не уделили должного внимания опознавательным паролем и сигналам, а мы из-за них так влипли! Утром перед высадкой нас разбили на десантные расчеты, по восемнадцать человек на «дуглас». В этих самолетах было сделано по двери с каждой стороны, и каждая девятка десантников покидал борт со своей стороны. В расчет входил один офицер. Ему в обязанность вменялось следующее: после того, как десантники прыгнут, быть замыкающим и выбросить с самолета два ПДММ (парашютно-десантный мягкий мешок), наполненные боеприпасами, и только после этого прыгнуть самому. Объявили, что прыгать будем с высоты пятьсот метров, интервал времени при прыжке – десять – пятнадцать секунд, один за другим. Видимо, боялись большого рассеивания бойцов при десантировании.

Комбрига Гончарова с нами не оказалось. Вроде бы с нами полетел в первой волне десанта начштаба Красовский. Я был прикреплен к самолету с бортовым номером девять. Когда дали приказ о посадке в самолеты, в десяти метрах от нас находился командир летного полка ГСС Гризодубова, знаменитая летчица довоенной поры. Мы сели и стали ждать наступления темноты. Летчики включили моторы и первые пять самолетов медленно стали выруливать на взлетную полосу... И все... Полетели мы навстречу войне. К нам вышел один из летчиков и произнес: «Ребята, не волнуйтесь. Мы экипаж опытный и район выброски знаем хорошо. Над целью будем через один час и десять минут. Прыгаете по третьему «зуммеру». А пока отдыхайте...»

О чем Вы думали, когда летели к месту десантирования, перед тем как сделать шаг в ночную бездну, навстречу неизвестности?

Когда летели все молчали, многие сидели с закрытыми глазами. Спокойно было, только слышался гул моторов. Страх не испытывали. О чем я думал? Хотите честно? Когда на фронт в эшелоне ехали, с нами в теплушке находился командир батареи, армянин, он оказался последней сволочью. Всю дорогу к фронту он донимал меня антисемитскими речами и анекдотами. Что я мог ему сделать в эшелоне? Он – офицер, да и народу находилось вокруг порядочно. Когда я летел в самолете, я просил Бога, чтобы он дал мне возможность до того момента, как я сам погибну, убить этого командира батареи.

Как я хотел его убить! Ответил вам предельно откровенно... Такая злоба во мне кипела! А потом был первый «зумер». Все встали. Второй «зумер», третий... И мы прыгнули...

Я вижу, как вам тяжело говорить о десанте. Хотите, сделаем паузу?

Нет, раз уж начали о десанте говорить, то продолжим. Надеюсь, сердце мое выдержит.

Сбросили нас почему-то с высоты около тысячи метров. Когда мы спускались на парашютах с земли, по нам огонь не вели. Упал я в какой-то овраг. Кругом – темень, хоть глаза выколи. Слышу неподалеку лай собак. «Значит, – думаю, – населенный пункт рядом». Натолкнулся на двух десантников с других самолетов. Смотрим друг на друга, ждем сигнала ракетниц. Прошло где-то полчаса. Появились в небе три ракеты. Через минуту такие же три ракеты – слева от нас, потом – справа от нас, а минут через пять со всех сторон в небо летели ракеты того же набора цветов. Впрочем, нельзя было ничего понять – кто их выпускает и где место сбора. Говорю ребятам: «Надо подождать, уж больно все это подозрительно выглядит».

Тогда мы затаились. Никаких звуков стрельбы не слышалось. Затем в небе зазвучал гул самолетов. И тут началось!!! Сотни трассирующих трасс шли вверх. Стало светло как днем. Зенитки «ухают». Над нашими головами разыгралась страшная трагедия... Не знаю, какие найти или подобрать слова, чтобы рассказать вам о том, как все это на самом деле происходило... Мы, конечно, видели весь этот кошмар... Трассеры зажигательных пуль прошивали парашюты. А так как парашюты были все сделаны из капрона и перкали, то они вспыхивали моментально. В небе сразу появились десятки горящих факелов. Так погибали, сгорая, так и не успев принять бой на земле, наши товарищи... Мы видели все... Например, то, как падали два подбитых «дугласа», из которых еще не успели прыгнуть бойцы. Ребята сыпались из самолетов и падали камнем вниз, не имея возможности раскрыть парашют. В двухстах метров от нас врезался в землю ЛИ-2. Мы бросили к самолету, но там никого в живых не оказалось.

В эту страшную ночь к нам прибилося еще несколько чудом уцелевших десантников. Все пространство вокруг было в белых пятнах парашютов. Кругом же нас валялись трупы сгоревших и разбившихся десантников. Буквально через час на нас началась тотальная облава...

Столько вопросов хотелось бы задать организаторам Днепровского десанта, но тех давно нет в живых. Почему разброс десантников был 90–100 километров от Ржищева до Черкасс? Почему многие и многие десятки десантников были сброшены в Днепр и утонули в нем? Почему свыше ста десантников из 5-ВДБр были вообще десантированы на позиции советских войск? Кто из летчиков и штурманов ответил перед трибуналом за это? Ведь всем ведущим экипажам дали возможность пролететь пару раз «в холостую» под видом бомбардировщиков над районом высадки за неделю до 24 сентября 1943 года. Почему выброска произведена в районе, куда только что прибыли три свежие немецкие дивизии из тыла? Куда смотрела разведка фронта? Немцы описывают в своих воспоминаниях, как десантники падали с неба в раскрытые люки немецких танков.

Почему первые организованные группы десантников приступили к боевым действиям фактически через три недели со дня выброски? Что происходило с десантниками в течении этих трех недель? Почему первый сеанс радиосвязи с десантом состоялся только 7 октября 1943 года? Почему солдатам не дали запасной маршрут сбора на случай неудачной высадки? И еще очень много других вопросов. Потери десанта вообще трактуются вольно. Называют цифры от 400 выживших до 1500 человек вышедших к своим. Сколько выжило на самом деле?

Такие же вопросы хотели бы задать участники десанта. Но кому их задавать сейчас? Историкам, архивистам? Думаю, что и в официальных бумажках все подчистили еще в сорок третьем, чтобы ошибку командования «замазать». Простые десантники могут ответить лишь на малую часть ваших вопросов.

Согласно официальным данным, было сброшено в тыл врага три тысячи сто человек из Вашей 3-й ВДБр, и тысяча пятьсот двадцать пять человек из 5-й ВДБр. И три группы сброшены в начале октября на связь с десантом, но судьба этих групп осталась неизвестной. Сколько участников десанта нашли после войны?

У меня нет точных данных по 5-й ВДБр, но ей повезло чуть больше, чем нашей бригаде. Ведь пятая бригада была высажена частично, и многим из нее удалось пробиться как в Каневские и Таганские леса, так и к партизанам, а 1-ую Гв ВДБр вообще не стали десантировать. Из нашей третьей бригады после войны нашли больше двухсот человек. На 1988 год в живых из них оставалось уже гораздо меньше. Список прибывших на последнюю встречу ветеранов десанта я вам дам, но там тоже есть человек двадцать из 5-й бригады. Половина выживших из моей бригады прошла через немецкий плен. Одним словом, из 3-й ВДБр из ушедших в

десант вернулся живым примерно каждый тринадцатый. Точные данные были в музеях десанта в Черкассах и во Фрязино. Из моего противотанкового дивизиона выжило двое: Анкудинов и я, оба впоследствии оказались в плену.

Со дня Вашей высадки до момента Вашего пленения прошло чуть больше двух недель. Что происходило с вами в этот промежуток времени?

Немцы нас гоняли по степи и постепенно истребляли, устраивали облавы с собаками... Блокнот с кодами я закопал в землю уже на второй день. Сначала нас было трое, потом образовалась группа из двенадцати десантников. Первые четыре дня нам удавалось уходить от облавы, а потом наше везение кончилось. Три дня подряд мы пробивались с боем через сжимающееся кольцо преследователей, но получилось так, что нас зажали на узком участке. Вышли оврагами из нас всего четверо.

Потом мы наткнулись на группу комбата майора Жерносекова, состоявшую примерно из семидесяти человек. Через день нас немцы снова обложили со всех сторон. Казалось, уже все – хана. Кто-то из лежащих рядом со мной десантников крикнул: «Комбат застрелился!» После войны на ветеранскую встречу приехала жена Жерносекова. Я рассказал ей о этом бое. Она не хотела мне верить, говорила, что ее муж не мог застрелиться... Мы стояли с ней и плакали вместе... В том бою я уцелел. Мы снова прорвались, но в группе оставалось четырнадцать человек. Среди нас оказался один офицер – командир пулеметной роты. И опять мы прятались, опять – отстреливались, опять прорывались к Днепру, но все это, в сущности, выглядело форменным самоубийством. Еды – нет, воды – нет, питались кукурузой и картошкой с полей. К тому же, не могли разводить костров. Боеприпасы брали у убитых. Нельзя было войти ни в одно село. Везде нас ждали засады. Мы нигде не слышали звуков боя, похожего на прорыв с фронта в нашу сторону. Пойманных десантников немцы и «власовцы»-казаки вешали на телеграфных столбах вдоль дорог. На повешенных были таблички: «Привет комсомольцам от власовцев».

Как Вы попали в плен?

Нас окружили на рассвете, в то время, когда мы находились в овраге: немцы с двумя «самоходками» и человек двести всякого сброда: «власовцы»-казаки, легионеры, немецкая пехота. Они нам закричали по-русски: «Десант! Бросай оружие! Выходи сдаваться или сейчас всех порубим в мелкую сечку!» Мы смотрим – идет полное окружение нас... Патроны у нас еще были, но гранаты давно кончились. Нас оказалось чуть больше десятка.

Что делать?!? Стреляться? Идти на прорыв? Так ведь тут особо не прорвешься... Мы так устали за эти дни непрерывной погони за нами, что приняли бы смерть как избавление. Настолько все оказались измучены и истощены. Смотрим на ротного, а он смотрит на нас... Тогда он вытаскивает из автомата диск и проверяет, сколько там у него осталось патронов. Среди нас находился санинструктор моего дивизиона, туркмен Мирзоев. Высокий парень, свободно говоривший по-русски и вроде успевший до войны закончить несколько курсов института. Мы были хорошо с ним знакомы до выброски и приятельствовали. Он знал, что я по национальности – еврей. В десанте я столкнулся с Мирзоевым уже тогда, когда мы влились в группу Жерносекова. И вдруг этот Мирзоев бросает карабин, поднимает руки вверх и идет из оврага на дорогу с криком: «Сдаюсь! Не стреляйте!» Через несколько минут этот же Мирзоев уже кричит мне с дороги: «Лихтерман, выходи! Лихтерман!». «Вот, – думаю про него, – сволочь, меня предал, жизнь себе покупает!»

В это время наш лейтенант достает из гимнастерки документы и начинает закапывать их в землю. Все последовали его примеру. Я не смог в то мгновение выстрелить себе в голову... Попробуй-ка из карабина застрелись! Начали бросать на землю патроны и оружие... Через какое-то время мои товарищи по одному, стали подниматься из оврага. Я пошел после всех,

думая, что это мои последние шаги по этой земле... Хочу сразу сказать: НАША ГРУППА НЕ ВЫШЛА С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ! Запомните это!

Выдал меня санинструктор. А судьба еврея в плену всегда была ужасной... Вот видите, я сейчас нашел слова для того, чтобы об этом десанте рассказать. Но какими словами можно передать то, что творилось у меня на душе в эти мгновения?!.. Ужас, оцепенение, боль... На дороге нас избили прикладами и загнали в кузов крытого грузовика. Мирзоев стоял рядом с легионерами, что-то им на своем языке говорил и улыбался. Машина поехала. Нас довезли до окраины какого-то села, высадили из грузовика и погнали в его центр... Привели на площадь. Возле нас стоял сад. Там здоровенные немцы свеживали туши свиней, которые были подвешены на крюках к деревьям. Рядом с ними стояли молодые хохлушки и громко смеялись, показывая на нас рукой. Стоявший рядом со мной десантник прошептал: «Сейчас и с нас так шкуру сдерут».

Нас выстраивают у стены сарая, но почему-то не расстреливают... Напряжение – жуткое. Кто подобного не испытал, тому этого не понять. Ко мне подошел немец, ткнул в грудь пальцем и сказал по-немецки: «Выходи!» Меня заводят в хату. За столом сидит гауптман и что-то пишет. На меня он даже и не смотрит. Затем появляется еще один немец. В руках у него находится мой бумажник со всеми документами, а сверху всего этого – значок парашютиста и значок десантника. Плохо, видно, я их закопал. Немец сует мне все это в руки, а я ему показываю: мол, не мое, себе заberi. Гауптман рассмеялся. Вдруг неподалеку раздаются крики на немецком языке. Позвали гауптмана на этот крик. Немцы выскочили из хаты, и я остался один в комнате. Смотрю на мои документы лежащие на столе. Схватил их и бросил в окно. На что я надеялся... Мирзоев-то где-то рядом. А дальше такие произошли события, что если и был я атеистом, то после них должен был истово поверить в Бога. Слышу звук мотора подъехавшей машины. Забегает в комнату один из конвоиров, кричит мне: «Ком! Шнель!» Бьет меня винтовкой по спине и снова меня загоняют в крытый тентом грузовик, в котором уже сидела наша плененная группа. Все произошло так стремительно!

Привезли нас на станцию Мироновка. В станционных строениях и сараях были собраны пленные солдаты. Среди них не было десантников. Все они были с днепровских плацдармов и почему-то из дивизии, разбитой то ли под Кировоградом, то ли под Кременчугом.

Я понимал, что если я хочу выжить, то мне надо затеряться среди незнакомых мне солдат, другого выхода не было.

Нас, одиннадцать человек, немцы выстроили. Вышел гигантского роста немец с жандармской бляхой и на ломаном русском языке спросил: «Коммунисты есть?». Мы молчим. Немец дальше: «Юде есть?». Молчание... Нас завели в какой-то закуток из колючей проволоки. Смотрим, какой-то немец ведет подталкивая автоматом одного капитана с нашей бригады. Его все знали, высокий красавец. Я не помню точно, был ли он замполитом, но он был ответственным за самодеятельность в бригаде. Остановились в нескольких метрах от нас. Капитан просит немца-конвоира по-немецки: «Дай с товарищами проститься». Тот подвел его к нам. Капитан без слез, спокойным голосом сказал: «Прощайте, товарищи десантники, на расстрел меня ведут...» Выдал кто-то капитана, что тот еврей и коммунист. Он обнял каждого из нас. Немец толкнул его в спину, и увел офицера... Он не успел выкрикнуть адрес семьи... Через пару часов нас завели в какое-то складское помещение, где уже находились сотни пленных из стрелковых дивизий. Утром следующего дня подогнали товарняк и начали загонять нас в вагоны. Я сознательно оторвался от своей группы... Привезли нас в Уманский лагерь...

Были ли напрасными, по вашему мнению, жестокие потери понесенные десантом?

А что, кроме нашего десанта на той войне больше никого по-глупому не загубили? Вы же сами сейчас мне рассказали статистику потерь в воздушных и морских десантах... Это наш стиль – высадить десант и сразу списать его в потери. Один Эльтиген чего стоит!

Миллионы солдат положили в землю только из-за генеральской тупости... А напрасными ли были наши потери? Спросите у родных погибших десантников... Мне трудно ответить однозначно. Была война... Мы получили приказ и боевую задачу, которую не удалось полностью выполнить, только потому, что... То ли предали нас... То ли как, у нас водится, кинули на авось – а вдруг получится, а если нет – пятью тысячами человек меньше, пятью больше... Главное, чтобы им орден Суворова на грудь повесили...

Понимаете... Я этот вопрос задаю себе сам долгие годы... Напрасны ли были наши жертвы в том десанте...

Как сейчас вижу лица ребят из моего самолета, за секунду до третьего «зуме́ра» на прыжок. Решимость была на этих лицах, готовность к бою. Ведь, даже в окружении, мы верили до последней минуты, что прорвемся к своим, что нас выручат... Мы сражались... Те, кто успел живым спуститься на землю на парашюте, – сражались! А скольких в воздухе еще расстреляли! Вы же мне только что сказали, что немцы в своих мемуарах хоть и потешаются над организацией десанта, но не отмечают ни одного случая массовой сдачи десантников в плен без боя...

После трагедии Днепровского десанта был отменен, как говорят – «предательски плохо подготовленный», десант трех бригад под Витебск, десант корпуса ВДВ в Крым под Джанкой, и даже вслед за Вашими тремя днепровскими бригадами, к фронту направлялись еще две бригады ВДВ в сторону Букрина. Эту информацию я взял не из официальной исторической «правды», а из воспоминаний рядовых десантников, служивших в разных десантных дивизиях. Вот фамилии и даты публикаций. Этим людям я верю. Получается, что своей гибелью десант спас тысячи жизней своих товарищей по армии...

Мне трудно прокомментировать ваши слова. А если бы десант в Белоруссию оказался удачным и взяли бы Минск в декабре 1943 года? Так не топтались бы там полгода, и не угробили бы еще сотни тысяч солдат. Это все предположения... Правды мы уже не узнаем.

Насчет отмены десанта в Крым я обладаю малой толикой информации. Я встречал уже здесь, в Иерусалиме, одного десантника, который был в бригаде предназначенной на высадку в Крым. С его слов, высадка была отменена по причине, что кто-то выдал день и час выброски. У немцев тоже разведка работала, но и наша успела предупредить вовремя. Но так ли это, утверждать не могу.

Я уже говорил, что есть солидная информация о действиях в немецком тылу групп под командованием Воронина, Блувштейна, Петросяна, о полковнике Сидорчуке, о капитане Сапожникове, о юном подпольщике Анатолии Ганенко, спасшем знамя бригады. Но вот один из десантников упоминает, что был в большой группе, почти из двухсот человек, под командованием майора по фамилии Лев. Связные из этой группы Лева удачно перешли линию фронта к своим, а судьба остальных... Как погибла эта группа, не знает никто.

Можно обратиться к председателю нашего совета ветеранов Петру Неживенко. Он собирал подробную информацию о личном участии каждого десантника в боях в немецком тылу. Возможно, у него есть материал по большим организованным группам десанта, полностью погибшим в немецком тылу в октябре сорок третьего. В музей десанта на Украине можно обратиться. Хотя, я бы директора того музея в конце восьмидесятых годов...

О чем речь?

Первый раз, когда я был в музее десанта, в центре экспозиции висел портрет ГСС комбата майора Блувштейна. Через несколько лет я приехал туда снова, и вижу, что убрали портрет майора. Спрашиваю директора музея: «Что, фамилия комбата тебе спать не дает? Почему портрет героя убрали?». А в ответ – тишина...

Есть ли у Вас силы рассказывать про плен?

Попробую покороче, мне очень тяжело вспоминать о концлагере, да и о десанте тоже... Привезли наш эшелон в Умань, но разгрузили только часть вагонов с пленными. Погнали в лагерь расположенный возле бывшего аэродрома. Высокие ограды из колючей проволоки в несколько рядов, вышки с прожекторами, освещение по периметру – все сделано основательно, по-немецки. Здания из красного кирпича, казармы. В загороженных «колючкой» секциях находились отдельно офицерские бараки и женский блок. Педантичной тотальной селекции по прибытии в лагерь не было. Была вялая сортировка: офицер...рядовой... Офицеров отделяли. Сидели за столами «шавки» – предатели из лагерной полиции и записывали данные поступивших пленных.

Я назвался Михаилом Гариным, пехотинцем. Внешность у меня не типичная, полицаи не заподозрили во мне еврея. Завели нас в барак. В нем было человек четыреста, лежащие на трехэтажных нарах. В нашем бараке было очень много пленных – выходцев из Средней Азии.

Утром нас подымали в четыре утра, скрупулезно пересчитывали, выносили из барака умерших за прошедшую ночь пленных. Подъезжала бочка на двух колесах. В ней плескалась баланда из отбросов. Всем давали по два черпака баланды в день, больше нас ничем не кормили. Даже эрзац-хлеб мы не получали. Разливали баланду в каски, в пилотки, в этом лагере почему-то запрещалось иметь котелки... Смертность была массовой, особенно среди среднеазиатов. Немцы не брали их на работы за пределы лагеря, а ведь это была единственная возможность не умереть от голода. Среднеазиаты выменивали шинели и сапоги на хлеб и погибали от холода и болезней. Помню, как они стояли босыми ногами на снегу... Нас гоняли на работу, строить железнодорожную ветку. Так местное население кидало нам в колонну куски хлеба, табак, пирожки с фасолью. Только благодаря этому и выжили. На работах вне лагеря нас охраняли эстонцы, с красными повязками ТОДТ. Вот уж где воистину было «шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте, стреляем без предупреждения». Это были сущие звери, как и все прибалтийские каратели. Но мы просто еще не знали, что такое казачий конвой...

Во власовскую армию шла вербовка?

Украинцев много набирали в рабочие команды для немецкой армии да в полицию. Приезжали два раза власовцы, звали в РОА, очень мало кто к ним пошел.

По лагерю носился бывший офицер РККА, немец-фольксдойч из Ленинграда, лагерный агитатор. Раздавал пленным власовскую газетку «Заря». Ее никто не читал, у кого был табак, газету пускали сразу на самокрутки, хоть и бумага плохая, не курилась. Были и суки-предатели, пошедшие в лагерную полицию. Были стукачи и провокаторы. Были специальные «жидоеды», выискивавшие среди пленных евреев. А лагерная полиция! Еще вчера такой человек спал рядом на соседних нарах и умирал с голоду, а на следующий день брал в руки дубину и избивал до смерти и конвоировал своих армейских товарищей... Но большинство пленных выбирало смерть, но не шло на службу к врагу.

Как Вам удалось скрыть, что Вы еврей?

Страх разоблачения постоянно витал над мной. У нас в лагере выявленных евреев немцы вешали на виселице. И эта виселица никогда не пустовала... Выдавали и предавали нас... Меня спасла славянская внешность и то, что я не нарвался на кокого-нибудь подлеца, вроде Мирзо-

ева из бригады. За мои почти полгода в плену нас ни разу не водили в баню. Это тоже спасло меня.

Я не мог никому рассказать о себе, даже говорить о том, что я из десантной бригады.

Единственный человек, который знал все обо мне, был мой товарищ – десантник, русский парень Саша из Уральска. Я так и не знаю его настоящей фамилии, в плену он назвался вымышленным именем. Он бежал за сутки перед моим побегом из плена. На послевоенных встречах ветеранов десанта его не было. Все время нашего пребывания в плену мы все время держались вместе и не дали друг другу погибнуть от голодной смерти. Как сложилась его судьба?..

Несколько раз я уже был на грани разоблачения. Подошел ко мне полицей-повар и говорит: «Что-то ты больно на Кагановича похож?» Отвечаю ему: «А ты на Ленина сильно смахиваешь». Он ударил меня и пошел дальше. Один раз нас лагерные полицаи загоняют в барак дубинками и среди них, как мне показалось, скажем так – померещилось, один из нашей бригады... И тут мне снова повезло, мне удалось проскочить мимо него. Но было предельно ясно, что единственный путь к спасению – это побег из плена. Саша стал потихоньку «прощупывать» пленных из нашего барака. Мы с ним были убеждены, что нужно организовать групповой побег и с захваченным у конвоя оружием уйти к партизанам. Уже сплотилась группа, где-то человек восемь, из тех, кому можно было доверять. Но фронт приближался к лагерю, и нас погнали на восток.

Марш смерти»?

Да, очень похоже... В нашей колонне было восемьсот человек. Гнали нас в Румынию, под охраной конвоя из казаков-предателей. Охрана в белых бурках. Если кто из наших падал от усталости или начинал отставать, казаки сразу пристреливали обессилившего... Даже если мы кого-то несли сами на плечах, подлетал к нам такой чубатый казак и стрелял в выбившегося из сил. Нас до Винницы уже дошло две трети из колонны. Погнали нас дальше. Расположили на ночлег в каких-то развалинах. Саша сказал мне: «Надо немедленно бежать по одиночке. Если доведут до Прута, там посадят в эшелоны и отвезут в Германию, а там нам точно хана! Утром нас стали строить в колонну. Саша спрятался в развалинах, его не нашли. Так хочется надеется, что он выжил и дошел до своих! А на следующий вечер ушел в побег и я.

Как удалось сбежать?

Шел мокрый снег, видимость была плохой. Зашли в село. Казаки пытались нас всех затолкать и расположить в сарае и нескольких пустых хатах, но народу было много – и я остался снаружи. Конвой расположился по периметру, разжег костры, стали песни свои петь. Периодически кто-то стрелял из ракетницы, освещая огромный пустырь за сараем.

Рядом со мной сидел молодой солдат и внимательно смотрел на костры охраны. Встретились с ним взглядом и поняли друг друга без слов. Я кивнул ему, он мне – и мы поползли к линии оцепления. А потом побег на рывок. Мы проскочили незамеченными. Погода выручила, да и конвоиры, видимо, порядком «набрались для сугреву» и наш рывок прозевали. Мы пробежали всего километр. Стояли стога сена в поле. Сил бежать дальше у нас не было. Остались в стогу до утра. Мой напарник сказал, что его зовут Иван, сам он из города Шахты и ему двадцать лет. Фамилии его я так и не узнал. Утром пошли дальше. Добрались до какой-то деревни, постучались в молдавскую хату. В дом нас не пустили, хотя дали три печеные картошки. Молдаванин держал еще в руках краюху хлеба, но пожадничал, унес ее назад в дом.

С Иваном мы пошли полями дальше на восток, на немцев не нарывались. Но через день так оголодали, что решили днем зайти в близлежащее село. Опять испуганные лица молдаван, делающих вид что не понимают ни слова по-русски. Еды не дали. Смотрим, сидит ширый украинец и говорит нам на смеси слов из разных языков, но мы его поняли так: «Видел три русских танка в десяти километрах отсюда». И показал рукой направление. Эти километры мы прошли

на едином дыхании. Навстречу нам неслись три танка Т-34, «облепленные» танковыми десанниками. Остановились возле нас, люк головной машины открылся, из него вылез танкист и спросил: «Кто такие?» Мы закричали обезумев от радости: «Мы свои! С плена бежали!» Он ответил: «Нет времени с вами сейчас разбираться! Залезайте на броню!». Проехали несколько километров. Иван сидел сзади меня. Вдруг, откуда-то с тыла, из ближайших строений застрочил немецкий крупнокалиберный пулемет. Разрывная пуля попала Ивану в спину, он умирал на моих руках... Я содрогался от рыданий. Как же это так, все прошел человек – фронт, плен, побег, и только всего десять минут, как добрался до своих, и погиб так нелепо!.. Сколько раз после войны я видел в кошмарных снах этот момент... Этот эпизод один из самых тяжелых в моей жизни.

Вы попали на спецпроверку?

Сначала я воевал две недели танковым десанником в освободившей меня из плена танковой роте 45-й ТБр. Это был рейд танкистов на тернопольском направлении, на Залещики. Выходили они из рейда в сорока километрах от города Серет, если я не путаю. Командир танкового батальона написал на меня характеристику: «воевал, проявил, достоин» и т. д., и меня привели в штаб бригады. Сидел за столом капитан. Я не знаю, был ли он «смершевец», капитан не представился. Говорит мне: «Уж больно все у тебя гладко получается. В десанте выжил, в лагере в тебе еврея не распознали, в побеге вышел к своим, получается, в одиночку, свидетелей живых нет, а командир тебя к медали предлагает за героизм представить. Подозрительный ты тип, Лихтерман! Пусть с тобой в другом месте разбираются». Вызвал двух солдат для конвоя, и повезли меня в Черновцы, в СМЕРШ.

Что было дальше? На «конвейер»?

Сразу хочу вам сказать. Все работники СМЕРШа, с которыми лично мне довелось столкнуться, оказались нормальными людьми. Ведь среди них сволочей было более чем достаточно, а меня судьба свела с людьми, не потерявшими совесть. В Черновцах меня допрашивал пожилой майор НКВДэшник, похожий внешне на еврея. Допрос длился два часа. На меня не орали и расстрелом не угрожали. Спокойная такая беседа. Вдруг спрашивает меня: «Солдат, ты когда последний кушал?» Говорю ему: «Два дня тому назад».

Принес мне молдавского сыра с хлебом... Снова вызывают меня к нему. Он дает мне пакет с документами и сообщает, что я должен явиться через трое суток в отдел комплектования 38-й Армии и там получить назначение в фронтовую часть. Потом он сказал одну фразу с очень серьезным намеком. Не буду приводить ее дословно, но смысл намека был такой: «Забудь о плене и никому о нем не распространяйся». И пошел я по Западной Украине, боясь поверить, что все страшное уже позади. И тут мне действительно снова повезло, да так крупно, что хоть стой, хоть падай.

И везло мне постоянно и фатально до самого конца войны. Кто за меня молился, не знаю, но, видно, молились здорово!

Почти дошел до штаба 38-й Армии. Смотрю, связисты прокладывают связь. «Ребята, спрашиваю, где тут штаб?». Хваленая наша «супербдительность» как всегда только на бумаге, сразу говорят: вон в тех хатах такие-то располагаются, а на той улице такие-то, а там эти. А тебе вообще кто нужен? Иду дальше. Метров через двести вижу, как во дворе дома какой-то старший лейтенант, по виду казах, рацию ремонтирует. Матерится на своем языке, что-то у него не получается. Подошел к нему и говорю: «Старшой, давай пособилю, я в этом деле хорошо разбираюсь». Отремонтировал я рацию быстро. Лейтенант спрашивает: «Откуда в рациях разбираешься?» Отвечаю ему, что учился в училище ВНОС в Бирске. Он говорит: «Не может быть! Я тоже Бирское заканчивал! Я старший лейтенант Мшанов, командир роты связи ПВО армии». Задал несколько проверочных вопросов: «Кто командовал училищем? Кого из пре-

подавателей помнишь?» Убедившись, что перед ним не самозванец, он предложил: «Давай к нам в роту». Я ему: «У меня пакет в отдел комплектования». Лейтенант отвечает: «Не переживай, сейчас все уладим». Уже через день я стал личным радистом у начальника ПВО армии полковника Патоки. Полковник был пожилой, добрый человек, очень порядочный. На фронте его сопровождала жена. Прошел месяц, и он мне говорит: «Матвей, наш сын погиб на фронте. Война закончится скоро. Мы хотим тебя с женой усыновить»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.